

**ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССИИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ**

ВОЗРОЖДЕНІЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ОСНОВАН 3 ЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАН В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ЮНЯ 1940 ГОДА, НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНІЯ В ПАРИЖ ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ, ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 ГОДА И ДО ДЕКАБРЯ 1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНІЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE MENSUELLE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction
PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 167
NOVEMBRE 1965

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél. : ELYsées 06-03

ВОСПОМИНАНІЯ

(Продолженіе) *)

ГЛАВА XII.

В средѣ Правительства я нашел настроеніе сильно измѣнившимся; противоположность взглядов между небольшой группой, возглавлявшейся И. Г. Щегловитовым — министром юстиціи, и остальными министрами болѣе обострилась, и среди моих единомышленников замѣчилось безпокойство по поводу общаго положенія дѣл и нѣкоторое недовольство нашим Предсѣдателем, маститым И. Л. Горемыкиным. Кратковременная сессія законодательныхъ учрежденій, длившаяся всего три дня, послужила поводомъ к различнымъ критическимъ выпадамъ противъ правительства, не встрѣтившимъ вполнѣ согласованнаго отпора.

Многія нападки явились неожиданностью для членовъ правительства, коимъ приходилось выступать в закрытыхъ совѣщаніяхъ с членами Государственной Думы, и представленные ими объясненія оставили чувство неудовлетворенности какъ у членовъ Думы, такъ и у ихъ сотоварищей по кабинету. Министръ земледѣлія А. В. Кривошеин и государственный контролеръ П. А. Харитоновъ говорили мнѣ, что они особенно были огорчены неудачнымъ выступленіемъ И. Л. Горемыкина. В общемъ собраніи Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, рѣчь, заранѣе имъ составленная и прочитанная послѣ подробнаго обсужденія в Совѣтѣ министровъ, возвѣщавшая о нашихъ побѣдахъ, произвела отличное впечатлѣніе, частное же собесѣдованіе, устроенное, по бывшимъ примѣрамъ, в кабинетѣ предсѣдателя Государственной Думы между членами Думы и Правительства, привело к совершенно отрицательнымъ результатамъ. Несмотря на наши блестящіе военные успѣхи, среди широкой публики стало распространяться глухое безпокойство, основанное на проникавшихъ из арміи слухахъ, что в дѣлѣ нашей военной обороны далеко не все обстоитъ благополучно. Это безпокойство захватило также и членовъ законодательныхъ учрежденій, изъ коихъ многіе работали на фронтѣ, в организаціяхъ Краснаго Креста, Общеземскаго и Общегородскаго союзовъ, и вполнѣ понятно, что они хотѣли услышать от членовъ правительства компетентныя разъясненія, которыя могли бы разсѣять возникавшія у нихъ сомнѣнія относительно возможности для насъ дальнѣйшаго успѣшнаго веденія войны. Между тѣмъ, встрѣча с правительствомъ, вмѣсто искренняго обмѣна мнѣній между людьми, призванными служить своей родинѣ, привела к тому, что многое осталось недоговореннымъ, возникли недоразумѣнія, имѣвшія в своей основѣ взаимное нелониманіе, отсюда появилось недоувѣріе другъ к другу, поведшее к дальнѣй-

*) См. "Возрожденіе" №№ 157-166.

шей отчужденности между Государственной Думой и Правительством.

В частном совѣщаніи было поручено члену Государственной Думы А. И. Шингареву, какъ наиболѣе талантливому оратору оппозиціи, предъявить рядъ вопросовъ, на которые долженъ былъ дать отвѣтъ Предсѣдатель Совѣта министровъ. А. И. Шингаревъ съ большимъ подъемомъ и съ обычнымъ своимъ ораторскимъ искусствомъ выполнилъ свое порученіе, и когда всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ приготовились выслушать слова главы правительства, П. Л. Горемыкинъ добродушно, спокойнымъ тономъ отвѣтилъ, что вся рѣчь А. И. Шингарева сводилась, собственно, къ тому, что правительство ничего не предусматрѣло, но что если бы на мѣстѣ предсѣдателя Совѣта министровъ сидѣлъ не Горемыкинъ, а Шингаревъ, то всѣ дѣла шли бы блестяще; однако, онъ позволяетъ себѣ думать, что А. И. Шингаревъ ошибается и отъ такой перемѣны государственный аппаратъ не выигралъ бы. По существу, конечно, умудренный жизненнымъ опытомъ старый предсѣдатель Совѣта министровъ былъ глубоко правъ; вся политика Государственной Думы и въ частности партіи Народной Свободы (такъ называемыхъ кадетъ) была основана на принципѣ: «*ôte-toi que je m'y mette*». Все стремленіе сводилось къ тому, чтобы захватить власть въ свои руки, тактика оппозиціи въ теченіе десяти лѣтъ была направлена къ подрыву авторитета правительства, и глухое недовольство, которое стало чувствоваться въ началѣ 1915 г., давало много поводовъ къ возобновленію нападковъ на него, временно пріостановленныхъ послѣ огромнаго патріотическаго подъема, проявленнаго всѣмъ населеніемъ въ началѣ войны. Однако, молодое наше народное представительство, еще не прошедшее черезъ всѣ дѣтскія болѣзни и особенно чутко и обидчиво относившееся къ своему праву вызывать членовъ правительства на объясненія, не могло, конечно, отнестись спокойно къ такому отеческому внушенію со стороны маститаго И. Л. Горемыкина.

Среди присутствовавшихъ стали раздаваться голоса: “Это не отвѣтъ”, А. И. Шингаревъ попытался дополнительными вопросами вызвать И. Л. Горемыкина на болѣе обстоятельныя объясненія, но, потерпѣвъ въ этомъ неудачу, обратился къ отдѣльнымъ министрамъ, и въ частности къ военному и внутреннимъ дѣламъ, съ просьбой дать отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, особенно волновавшіе членовъ Государственной Думы. Ни Генералъ Сухомлиновъ, ни Н. А. Маклаковъ не пользовались симпатіями Государственной Думы, выступленія ихъ встрѣчали обыкновенно недоброжелательную аудиторію и объясненія, которыя они должны были давать послѣ неудачныхъ словъ И. Л. Горемыкина, попадали на особенно неблагоприятную почву. Къ успокоительнымъ заявленіямъ генерала Сухомлинова члены Думы отнеслись съ недовѣріемъ и настаивали на представленіи болѣе подробныхъ данныхъ относительно снабженія нашихъ армій необходимымъ снаряженіемъ. Смыслъ объясненій военнаго министра сводился къ тому, что если и замѣчались иногда нѣкоторые недочеты, то въ ближайшемъ будущемъ таковыя уже не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ согласно требованіямъ Верховнаго Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича, военное министерство озаботилось подготовкой всего

необходимаго, даже с излишком, и данные различным заводам, в особенности заграничным, заказы вполне обеспечивают армию надлежащим боевым снаряженіем. Министр внутренних дѣл, Н. А. Маклаков, своей нѣсколько пренебрежительной манерой еще болѣе раздражил членов Государственной Думы, между ним и кѣм-то из оппозиціи возгорѣлась рѣзкая полемика и общее впечатлѣніе от собесѣдованія членов Думы и правительства осталось весьма неутѣшительное. Одно лишь министерство финансов не вызвало нареканій, бюджет прошел гладко. и объясненія, представленныя за министра финансов П. А. Харитоновым, не повели ни к каким преніям.

Отсутствіе министра финансов могло быть причиной тому, что члены Государственной Думы сочли излишним нападать на Государственного контролера, который по существу, конечно, не мог считаться отвѣтственным за управленіе финансами; или же, дѣйствительно, все главное вниманіе было сосредоточено на дѣлах военных и внутренняго управленія. Во всяком случаѣ, я испытывал чувство удовлетворенія оттого, что высказанныя перед моею поѣздкой графом Витте опасенія не оправдались и отсутствіе мое не было использовано моими политическими противниками для нападков на дѣятельность министерства финансов.

На заданный мною вопрос, поведут ли происшедшія событія к каким нибудь перемѣнам в составѣ правительства, А. В. Кривошеин отвѣтил мнѣ, что он этого не предвидит. Государь не придавал особаго значенія кратковременной сессіи законодательныхъ учреждений и нѣкоторой отчужденности, происшедшей между Государственной Думой и правительством, личное его отношеніе к отдѣльнымъ министрам и к Предсѣдателю Совѣта не измѣнилось, за исключеніемъ только одного министра торговли и промышленности, С. И. Тимашева, распоряженія котораго во время войны не удовлетворяли Государя. Он находил, что многое запаздывало, что нужныя мѣры не проводились своевременно и что во главѣ вѣдомства необходимо поставить энергичнаго, рѣшительнаго человѣка, который с большей настойчивостью осуществлял бы мѣропріятія военнаго времени.

Это извѣстіе меня очень огорчило, с С. И. Тимашевымъ меня связывала долготѣняя сердечная дружба, я был его ближайшимъ сотрудникомъ еще в бытность его управляющимъ Государственнымъ Банкомъ, а затѣм, послѣ пятилѣтняго перерыва, в Министерствѣ торговли и промышленности, я близко зналъ всѣ его хорошія стороны и преклонялся всегда перед его большою работоспособностью и строгимъ исполненіемъ своего долга. Положеніе его в министерствѣ торговли и промышленности было не из легкихъ: это вѣдомство было образовано в 1905 году, из департаментовъ и отдѣловъ различныхъ министерствъ, которые не были достаточно объединены между собой. Быстрая смѣна нѣсколькихъ министровъ не могла способствовать упорядоченію дѣла, и когда С. И. Тимашев, осенью 1909 года, принялъ Министерство из рукъ В. И. Тими-

рызева, который два раза был во главѣ этого вѣдомства, его первой заботой было внесеніе законопроекта в Государственную Думу с подробно разработанным, стройным планом организациі Министерства торговли и промышленности. Этот проект покоился в вѣдрах нижней палаты с 1910 года, но Государственная Дума, в своем увлеченіи политической борьбой с правительством, не удосужилась его рассмотреть, несмотря на огромное его значеніе не только для правильной работы самого вѣдомства, но и для широких интересов населенія, обслуживаемых этим вѣдомством. За Думой значилось свыше тысячи законопроектов, которые не были ею рассмотрѣны, и с каждым годом число этих залежей все увеличивалось. Наряду с законопроектом об организациі министерства, в Государственной Думѣ оставалось без движенія еще много других чрезвычайно важных законопроектов, внесенных С. И. Тимашевым, задержка коих очень тормозила правильную работу вѣдомства. Таким образом, существовали органическія причины, которыя отражались на дѣятельности Министерства торговли и промышленности, большая же нервность, свойственная вообще характеру С. И. Тимашева и не мѣшавшая ему трудиться с огромной энергіей, производила, вѣроятно, неблагоприятное впечатлѣніе на Государя и давала повод к предположеніям, что в военное время ему трудно будет справиться с осложнившимися задачами вѣдомства. Тяжелое чувство осталось у меня от этой переменны в составѣ совѣта министров. Прежде всего, рѣшеніе, принятое вскорѣ послѣ неудачной сессіи законодательных учреждений, коснулось министра, который даже не выступал в эту сессію в Думѣ; его уход был совершенно неожиданным и мог быть объяснен какими нибудь случайными вліяніями. Его преемником был назначен начальник отдѣла водных путей сообщенія, гофмейстер князь В. Н. Шаховской, очень хорошій, порядочный и трудящійся человек, но не прошедшій достаточной подготовительной школы для отвѣтственного поста министра торговли и промышленности и совершенно неизвѣстный в торгово-промышленных кругах. Затѣм меня поразило безразличіе, с коим Совѣт министров отнесся к этой переменѣ и к уходу из его состава коллеги, занимавшего свою должность в теченіе с лишним пяти лѣтъ. Предсѣдатель Совѣта министров И. Л. Горемыкин устроил у себя обѣд в честь Сергѣя Ивановича Тимашева, обратился к нему с кратким привѣтствіем, но весь обѣд носил характер скучной официальности, за ним чувствовалось общее равнодушіе.

Впервые такое безразличное отношеніе Совѣта министров к отдѣльным его членам поразило меня послѣ кончины министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо. Война застала его в Германіи и ему стоило больших трудов оттуда выбраться; русскіе путешественники подвергались в Германіи разным издѣвательствам и насиліям, многих задерживали без всякаго повода в концентраціонных лагерях и в тюрьмах на долгія недѣли и даже мѣсяцы, в самых тяжелых условіях. На Л. А. Кассо пребываніе в германском плѣну настолько подѣйствовало, что он вскорѣ послѣ возвращенія в Россію захворал и скончался,

будучи человѣкомъ еще полнымъ силъ и энергіи, не достигшимъ пятидесяти лѣтъ. Хотя Л. А. Кассо принадлежалъ въ составѣ Совѣта министровъ къ небольшой группѣ крайне праваго направленія и большинство членовъ Совѣта не было его единомышленниками, тѣмъ не менѣе это былъ человѣкъ очень симпатичный по своимъ личнымъ свойствамъ и качествамъ, воспитанный, высокообразованный, всегда корректный въ обращеніи, и быстрая его кончина поразила всѣхъ своей неожиданностью. Однако, Совѣтъ министровъ проявилъ къ его смерти полное безразличіе и даже въ первомъ засѣданіи послѣ его похоронъ предсѣдатель Совѣта министровъ позабылъ почтить память усопшаго вставаніемъ, — самымъ скромнымъ выраженіемъ вниманія со стороны оставшихся въ живыхъ сослуживцевъ.

Наконецъ, смѣна на посту министра торговли и промышленности наводила меня на грустныя размышленія еще и потому, что въ назначеніи новаго министра, выдвинутаго случайными симпатіями, не было видно вліянія министра земледѣлія А. В. Кривошеина, который фактически руководилъ политикой правительства. Назначеніе за годъ передъ тѣмъ И. Л. Горемыкина на постъ Предсѣдателя Совѣта министровъ и меня на должность министра финансовъ состоялось подъ непосредственнымъ его вліяніемъ; занятіе ближайшимъ его сотрудникомъ по министерству земледѣлія, графомъ П. Н. Игнатьевымъ должности министра народнаго просвѣщенія, послѣ кончины Л. А. Кассо, было лучшимъ подтвержденіемъ тому, что выборъ новыхъ министровъ происходилъ по совѣту А. В. Кривошеина. Всѣ знали, что Государь прислушивается къ его голосу по серьезнымъ вопросамъ государственнаго управленія, и вполне естественно было ожидать, что послѣ ухода изъ кабинета С. И. Тимашева на посту министра торговли и промышленности окажется какой либо крупный дѣятель изъ торгово-промышленныхъ круговъ Москвы. Самъ С. И. Тимашевъ въ 1909 г. былъ назначенъ также по рекомендаціи А. В. Кривошеина, который, однако, и въ то время высказывалъ мысль о желательности поручить портфель торговли и промышленности представителю коммерческаго міра и потомъ неоднократно называлъ имена нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей изъ московскихъ торгово-промышленныхъ круговъ, съ которыми у А. В. Кривошеина существовали прочныя связи. Я очень надѣялся, что осторожной, но послѣдовательной и настойчивой политикѣ А. В. Кривошеина удастся образовать постепенно составъ правительства изъ вполне однородныхъ элементовъ, которые могли бы работать въ единеніи.

Государя я нашелъ въ очень хорошемъ настроеніи духа; Онъ часто бывалъ на фронтѣ, наши военныя успѣхи доставляли Ему огромное удовольствованіе, Онъ мнѣ подробно рассказывалъ о нашемъ продвиженіи впередъ, называлъ имена отдѣльныхъ начальниковъ особенно отличившихся въ бояхъ и говорилъ мнѣ о своихъ дальнѣйшихъ планахъ. Результатами моея поѣздки Онъ остался доволенъ, рѣшеніе вопроса о золотѣ, состоявшееся на Парижской конференціи, нашло Его полное одобреніе и Онъ съ большимъ вниманіемъ отнесся также къ мысли Ллойд-Джорджа о посылкѣ экспедиціоннаго отряда союзныхъ войскъ на Балканы. Я спросилъ Государя,

не находит ли Он цѣлесообразным, чтобы я доложил Верховному Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу о частном совѣщаніи, состоявшемся в Парижѣ по вопросу посылки союзных войск на Балканы, и о моих бесѣдах с Президентом Пуанкаре и с англійскими государственными дѣятелями, в коих затрагивались военные вопросы. Государь не встрѣтил къ этому возраженій и разрѣшил мнѣ отправиться в Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, в Барановичи. Я не откладывая привел свое намѣреніе в исполненіе, телеграфно запросил Великаго Князя когда он может меня принять и получив от него отвѣтъ выѣхал из Петрограда. Меня волновала мысль о том, в каких условіях мнѣ придется докладывать Великому Князю и буду ли я имѣть возможность передать ему во всѣх подробностях вынесенныя мною на заграничной поѣздки впечатлѣнія, не отрывая его от срочнаго дѣла. Я был убѣжден, что в Ставкѣ цѣлыя сутки кипит работа, что полевой телеграф и телефон непрерывно дѣйствуют и что Великому Князю трудно будет удѣлить мнѣ полчаса своего времени. Находясь в таких настроеніях, я был неприятно поражен, когда мой секретарь меня предупредил, что одновременно со мной выѣзжает в Ставку министр юстиціи И. Г. Щегловитов. Стѣсняясь отнять у Великаго Князя, Верховнаго Главнокомандующаго время для передачи ему свѣдѣній, которыя я считал имѣющими значеніе для дальнѣйшаго веденія войны, я начал опасаться, что одновременный пріѣзд И. Г. Щегловитова заставит меня скомкать мой доклад и помѣшает представить Великому Князю достаточно ясную картину происходивших в Лондонѣ и Парижѣ обсужденій.

Переѣзд в Ставку из Петрограда весною 1915 г. происходил еще с большой быстротой; покинув столицу вечером, мы на слѣдующій день около 12 часов дня были в Барановичах. На станціи наш вагон отцѣпили от поѣзда и доставили версты за двѣ, в мѣсто расположенія Ставки Верховнаго Главнокомандующаго. Остановились мы среди лѣса, гдѣ находилось нѣсколько желѣзнодорожных путей, на коих стояла вереница салон-вагонов и других вагонов, преимущественно перваго класса. Рядом был выстроен небольшой деревянный барак, гдѣ, как мнѣ потом рассказывали, рѣшались судьбы кампаніи и Россіи. В этом баракѣ находились всѣ военныя карты, и особенно довѣренныя офицеры генеральнаго штаба наносили на них с самаго утра, а может быть и ночью на основаніи полученных донесеній всѣ измѣненія, состоявшіяся за сутки на разных фронтах. В десять часов утра, в баракѣ происходило совѣщаніе между Верховным Главнокомандующим, начальником его штаба генералом Янушкевичем и генерал-квартирмейстером генералом Даниловым, там же принимались рѣшенія, которыя немедленно передавались фронтам къ исполненію. По прибытіи в Ставку я с министром юстиціи прошел в вагон-салон, гдѣ помѣщался начальник штаба генерал Янушкевич, чтобы узнать о времени нашего пріема Великим Князем. Генерал Янушкевич встрѣтил нас со свойственной ему изысканной любезностью, сообщил нам, что Великій Князь просит

нас обоих к завтраку, послѣ чего он, начальник штаба, по принятому обычаю, должен выслушать предварительно наш доклад, а затѣм ознакомить с ним Великаго Князя, который попросит тогда каждаго министра в отдѣльности представить ему свои дополнительные объясненія.

Перспектива такой сложной процедуры меня крайне удивила, я никак не мог себѣ объяснить, почему доклады министров должны были пройти через горнило начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго прежде чѣм быть выслушаны Великим Князем. Понятно, что военные доклады должны были идти по командной линіи и на обязанности начальника штаба лежала серьезная и отвѣтственная обязанность их фильтраціи, чтобы отстранить от Верховнаго Главнокомандующаго излишнія мелочи и сосредоточить в его руках лишь главные нити руководства всѣми военными дѣйствіями. В данном же случаѣ не могло быть рѣчи о том, чтобы генерал Янушкевич взял на себя рѣшеніе вопросов, которые два министра имѣли представить Великому Князю, и не допустил бы этих министров до Великаго Князя, поэтому предварительный наш доклад начальнику штаба был двойной тратой времени, как для него, так и для Великаго Князя и для обоих министров.

Перед завтраком я попросил разрѣшенія у генерала Янушкевича вымыть руки и он любезно проводил меня в сосѣднее купе, гдѣ была устроена его спальная и уборная. Я был поражен большим количеством флаконов с туалетной водой, духами, разными эликсирами, которые находились на умывальном столѣ генерала, напоминая хорошо обставленную парижскую парикмахерскую. Эти туалетныя принадлежности, хотя и были, конечно, мелочью, но мелочью чрезвычайно характерною, и онѣ настолько не гармонировали с моим представлением о боевой обстановкѣ, которая должна была бы окружать военачальников, рѣшавших ход военных дѣйствій, что я отправился к завтраку под самым тягостным впечатлѣніем. В вагонѣ-ресторанѣ собрался многочисленный штаб Верховнаго Главнокомандующаго вмѣстѣ со всѣми прикомандированными к нему военными агентами союзных держав. Послѣ любезнаго но краткаго привѣтствія со стороны Великаго Князя всѣ размѣстились по обычным своим мѣстам, при чем И. Г. Щегловитову Великій Князь предложил занять мѣсто за своим столом, за коим, насколько помню, сидѣлъ также Протопресвитер отец Шавельскій, меня же пригласил сѣсть за сосѣдним столом, своего брата, Великаго Князя Петра Николаевича, за коим находился также британскій военный агент, генерал Вильямс. Не знаю, была ли это случайность, или распредѣленіе мѣст в Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго происходило по какому либо заранѣе установленному плану, но в послѣдующіе мои пріѣзды в Ставку, когда таковая находилась еще в Барановичах, а также в болѣе позднее время, когда Государь взял Верховное Командованіе в Свои руки, я обычно сидѣлъ рядом с генералом Вильямсом. Завтрак за нашим столом прошел в оживленной бесѣдѣ, Великій Князь Петр Николаевич был любезным хозяином, а англійскій генерал был очень рад получить от меня послѣднія извѣстія о Лондонских

дѣлах и услышать мои впечатлѣнія от знакомства с англійскими государственными дѣятелями.

Завтракъ был очень вкусный, с разнообразіем закусок и блюд и в значительной степени отличался от тѣх завтраков и обѣдов, крайне простых и однообразных, которые впослѣдствіи подавались у Государя в Могилевѣ.

Послѣ завтрака, дившагося довольно долго, я с министром юстиціи вернулся в вагон генерала Янушкевича, гдѣ И. Г. Щегловитов приступил къ своему докладу об устройствѣ в завоеванной Галиціи русских судебных учреждений. По окончаніи доклада генерал Янушкевич нас покинул, чтобы передать Великому Князю Николаю Николаевичу обо всем слышанном от министра юстиціи. Через полчаса он вернулся и попросил И. Г. Щегловитова слѣдовать за ним для дополнительнаго доклада Великому Князю. Со мной повторилась та же процедура и по окончаніи предварительнаго доклада генералу Янушкевичу я не без волненія ожидал вызова в свою очередь къ Великому Князю. Я застал Верховнаго Главнокомандующаго с папиросою в зубах сидящим за круглым столом комфортабельнаго салон-вагона, заполненнаго англійскими и французскими иллюстрированными журналами. При моем появленіи Великій Князь поднялся мнѣ навстрѣчу и любезно указав мнѣ на кресло, повторил в кратких словах основные тезисы моего доклада. Его, конечно, главным образом, интересовал вопрос о посылкѣ экспедиціоннаго отряда союзных войск на Балканы. Он мнѣ сказал, что немного опасается тенденціи англичан къ разбрасыванію. Англичане привыкли вести колониальныя войны небольшого масштаба, вдали от своей базы, и придерживаются своего метода в нынѣшней міровой войнѣ. Одновременно с Балканскою экспедиціей ими задумана морская операція соединенных англійскаго и французскаго флотов в Дарданеллах, при чем они рассчитывают на соотвѣтственную помощь русских войск со стороны Босфора и на наш десантъ у турецких берегов. Между тѣм, натиск германских войск требует напряженія всѣх наших сил и дробленіе их между различными новыми операціями, представляющими каждая самостоятельное значеніе, было бы, несомнѣнно, дѣлом рискованным. Вот почему сомнѣнія, встрѣчающіяся со стороны французов, имѣют под собой весьма серьезное основаніе, но тѣм не менѣе вовлеченіе балканских народов в войну против Турціи, с цѣлью ея ослабленія и выхода из строя, представляет задачу настолько важную и необходимую, что он не находит никаких препятствій къ безотлагательной отправкѣ небольшого казачьяго отряда, с полковником Звегинцовым во главѣ, на Балканы, для совмѣстных операцій с англичанами, французами и сербами. Благодаря телеграммѣ моей и Извольскаго из Парижа, между военными представителями Державъ Согласія послѣдовал уже обмѣн мнѣній по поводу предстоящей экспедиціи, союзники поставлены в извѣстность о назначеніи полковника Звегинцова начальником русскаго отряда и Вел. Князь просит меня принять полк Звегинцова, находящагося в Ставкѣ, чтобы согласовать с ним способ

снабженія отряда достаточным количеством иностранной валюты и золота.

По вопросу о необходимости для союзников полной координации их действий Великий Князь полностью присоединился к мнѣнію лорда Китченера, указав на то, что в этих цѣлях на каждом фронтѣ находятся военные агенты всѣх союзных держав, кромѣ того во Францію и в Англію постоянно командуются старшіе военные чины со специальными порученіями для установленія непрерывной связи между союзническими арміями, но что к сожалѣнію всѣ усилія достигнуть единства в военных дѣйствіях союзников не привели к осязательным результатам. Операции продолжают быть разрозненными, нѣтъ общаго плана, инициатива остается на западном фронтѣ в руках германцев и от союзников получаютъ, обычно, настоятельныя просьбы о немедленной помощи со стороны русскаго оружія, как только усиливаются германскія атаки, при чем не принимаясь совершенно в расчет разработанные планы русскаго командованія. В этой разрозненности дѣйствій союзников кроется, конечно, их главная слабость и если эту слабость удалось бы устранить, то положеніе нѣмцев, несомнѣнно, сразу бы измѣнилось. Относительно же необходимости большей согласованности дѣйствій в военных заказах, передаваемых союзниками на заграничные рынки, Великий Князь совершенно разошелся во взглядах с англійским военным министром. Он указал, что в техническом отношеніи наша промышленность далеко отстала от промышленности англійской и французской и потому наши заводы могут лишь в самой незначительной степени удовлетворять все возрастающія требованія наших армій в дѣлѣ вооруженія. Вслѣдствіе этого главные заказы приходится помѣщать за границей, и совершенно необходимо, чтобы Россія была поставлена в привилегированное положеніе на заграничных рынках. Стремленіе наших союзников к координаціи в этом дѣлѣ не может привѣтствоваться нами без существенных оговорок. Весьма важно, чтобы Россія была предоставлена извѣстная свобода дѣйствій, иначе мы рискуем поставить наши дѣйствующія силы в очень тяжелое положеніе. Великий Князь был чрезвычайно озабочен вопросом о военном снабженіи арміи, в особенности заказом тяжелой артиллеріи, снарядов и винтовок, и сказал мнѣ, что он намѣрен послать специальную военную миссію к лорду Китченеру, чтобы убѣдить его принять на свою отвѣтственность изготовленіе за границей военнаго снаряженія для русских войск согласованной программѣ.

Закончив свой доклад Великому Князю я вернулся в вагон начальника штаба генерала Янушкевича, который в конфиденціальной бесѣдѣ ознакомил Щегловитова и меня с истинным положеніем дѣл на фронтѣ. Он нам пояснил, что современное техническое оборудование непріятельских армій вызвало с нашей стороны такое расходуваніе снарядов и винтовок, которое превзошло всѣ расчеты наших штабов. Боевые запасы быстро истощаются и нам приходится теперь соблюдать строжайшую экономію. Янушкевич приводил нам цифры снаряженія,

совершенно необходимаго для наших армій, и того ничтожнаго количества, коим мы располагали. На наш вопрос, каковы же должны быть послѣдствія такого критическаго положенія вещей, Янушкевич откровенно признался, что мы не в силах удержать завоеванныя позиціи. что нам придется отступать, вѣроятно, отдать врагу значительную часть нашей территоріи и укрѣпиться на такой линіи вглубинѣ нашей страны, перейти которую представляло бы для наших врагов большой риск. Мы были ошеломлены сообщеніем начальника штаба не только о безнадѣжности каких либо дальнѣйших успѣхов на фронтѣ, но даже невозможности удержать занятыя до сих пор позиціи. По новѣйшим подсчетам, основанным на послѣднем боевом опытѣ, вся армія нуждается в снарядах в количествѣ одного милліона двухсот тысяч штук в мѣсяц, получает же она только триста тысяч, т. е. всего четвертую часть необходимаго. В доказательство затруднительнаго положенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерал Янушкевич прочитал нам полученную им утром телеграмму от командующаго одной из армій, в коей испрашивалась срочная присылка пополненій винтовок и снарядов.

Под гнетущим впечатлѣніем мы покинули Ставку Верховнаго Главнокомандующаго и по дорогѣ условились, что в ближайшем засѣданіи Совѣта министров И. Г. Щегловитов возьмет на себя труд довести до его свѣдѣнія о том, что нам удалось узнать от генерала Янушкевича, и представить о необходимости самых срочных мѣропріятій по боевому снабженію нашей арміи, для предупрежденія надвигающейся катастрофы.

Когда И. Г. Щегловитов сдѣлал свой доклад, предсѣдатель Совѣта министров И. Л. Горемыкин заявил, что Совѣт не может вторгаться в область военных распоряженій, таковая не входит в его компетенцію и всѣ мѣры, относящіяся до боевой готовности арміи, принимаются исключительно распоряженіями военных властей. Тѣм не менѣе, члены Совѣта высказали пожеланіе получить от военнаго министра точныя свѣдѣнія, в каком положеніи находится исполненіе требованій, заявленных Верховным Главнокомандующим. Генерал В. А. Сухомлинов был нѣсколько смущен, но пояснил, что главныя требованія обращены к Артиллерійскому Управленію и изъявил готовность пригласить на слѣдующее засѣданіе начальника этого Управленія, который может представить полныя данныя, интересующія членов Совѣта министров.

Дѣйствительно, к слѣдующему засѣданію был приглашен генерал Маниковскій, который, по заведенному Сухомлиновым обычаю, привел с собою большое количество сотрудников для сообщенія детальныя сиравок по отдѣльным вопросам. Каждый из этих сотрудников останавливался на мелочах, старался доказать, что в его специальной области все исполнено и все обстоит благополучно, а если и случаются какія либо задержки, то таковыя объясняются естественными причинами, и в концѣ концов поставленная каждому задача будет исправно выполнена. Сам начальник Главнаго Артиллерійскаго Управленія, генерал Маниковскій, говорил очень мало, предоставляя своим сотруд-

никам давать подробныя объясненія и в результатѣ затянувшагося доклада многочисленных военных чинов получилась очень расплывчатая картина цѣлой серіи мелочей, не координированных, свидѣтельствовавших несомнѣнно о треніях, которыя существовали между Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго и военным вѣдомством, но не дававших опредѣленнаго представленія об общем планѣ всѣх потребностей фронта и степени их удовлетворенія. По уходѣ генерала Маниковскаго и его сотрудников, В. А. Сухомлинов сказал, что представленныя Главным Артиллерійским Управленіем свѣдѣнія свидѣтельствуот, насколько вѣдомством приняты всѣ необходимыя мѣры к тому, чтобы своевременно удовлетворять требованія, заявленныя Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго, но что военному министру приходится учитывать большую нервность Великаго Князя; в подтвержденіе своих слов генерал Сухомлинов привел нѣсколько эпизодов, показывавших, что нѣкоторыя требованія Ставки были прямо невыполнимы и чрезмерны, другія же, выполненныя в срочном порядкѣ, оказывались даже ненужными. Наряду с этим генерал Сухомлинов говорил, что Великій Князь Николай Николаевич особенно нервничает, когда идет рѣчь о пополненіи арміи новобранцами; он посылает одну грозную депешу за другой, преувеличивая значеніе понесенных потерь, требует массовой присылки новобранцев, не дает времени для надлежащаго обученія их в тылу, и в результатѣ на фронтѣ скопляется большое количество необученных солдат, остающихся неиспользованными, так как там даже не хватает оружія, чтобы снабдить им всю массу людей, высылаемых по срочным требованіям Ставки. Сухомлинов пояснял нам, что заказы были даны в очень большом количествѣ, с расчетом имѣть постоянно достаточный запас снаряженія для удовлетворенія потребностей армій. К несчастью, заводы не выполняли контракты. Поставки дѣлались с запозданіем и во многих случаях не было никакой увѣренности в том, что фабриканты будут в состояніи выполнить подписанныя ими обязательства.

Положеніе рисовалось трагичным. Нашей несчастной родинѣ предстояло пережить грозныя испытанія и многочисленныя бѣдствія.

Среди правительства возникло чувство и сознаніе, что необходимы экстренныя и срочныя мѣры дабы сохранить энергію и волю для преодоленія громаднх затрудненій.

На официальных засѣданіях кабинета министров разсматривались очередныя дѣла и никто не затрагивал наиболее острых вопросов, которые нас всѣх тревожили, но постоянные разговоры на эту тему велись между отдѣльными членами правительства.

(Продолженіе слѣдует)